

**Кузнецова Ольга Анатольевна,
доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского права
Пермского государственного национального
исследовательского университета**

Ответственность за нарушение договора и предстоящие изменения ГК РФ

Наряду с принципом свободы договора, другим принципом, обеспечивающим стабильность договорных правоотношений, является принцип необходимости надлежащего исполнения договорных обязанностей. Реализация этого принципа охраняется прежде всего установлением и применением мер ответственности за нарушение договора.

В действующей редакции ГК РФ имеется гл. 25 ГК РФ, имеющая название «Ответственность за нарушение обязательств», которая фактически и устанавливает общие положения об ответственности за нарушения договоров: к ответственности за деликты она малоприменима, поскольку *нарушить* деликтное обязательство невозможно.

Анализ гл. 25 ГК РФ позволяет сделать вывод, что ответственность за нарушение договорного обязательства регламентирована точно, не системно, не всегда логично.

Это привело к тому, что ответственность в отдельных институтах особенной части договорного права регулируется без учета общих положений о ней.

Так, в некоторых институтах ГК РФ в качестве обстоятельства, освобождающего от ответственности, указана непреодолимая сила при существовании общего правила об этом в ст. 401 ГК РФ.

Приведем лишь несколько примеров. Ломбард несет ответственность за утрату и повреждение заложенных вещей, если не докажет, что утрата или повреждение произошли вследствие непреодолимой силы (п. 4 ст. 358 ГК РФ). В отношении товара, на который продавцом предоставлена гарантия качества, продавец отвечает за недостатки товара, если не докажет, что недостатки товара возникли после его передачи покупателю вследствие непреодолимой силы (п. 2 ст. 476 ГК

РФ). За задержку отправления транспортного средства, перевозящего пассажира, или опоздание прибытия такого транспортного средства в пункт назначения (за исключением перевозок в городском и пригородном сообщениях) перевозчик уплачивает пассажиру штраф в размере, установленном соответствующим транспортным уставом или кодексом, если не докажет, что задержка или опоздание имели место вследствие непреодолимой силы (ст. 795 ГК РФ).

Во всех этих случаях регулируются вопросы ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Положение о том, что предприниматели не несут ответственности в ситуации непреодолимой силы и так установлено в ст. 401 ГК РФ, дублирование этого правила в отдельных статьях Кодекса представляется излишним.

Кроме того, при таком регулировании возникает вопрос: почему законодатель для одних договоров специально устанавливает правило об освобождении от ответственности при непреодолимой силе, а для других — нет?

Другой пример. Согласно п. 2 ст. 348 ГК РФ обращение взыскания не допускается, если допущенное должником нарушение обеспеченного залогом обязательства крайне незначительно и размер требований залогодержателя явно не соразмерен стоимости заложенного имущества.

Возникает вопрос: почему законодатель урегулировал крайнюю незначительность правонарушения (малозначительность — в теории права), только для договора залога? Разве не может быть незначительным нарушения других гражданско-правовых договоров?

Это два из множества примеров нормативного излишества, обусловленного игнорированием пандектной природы Кодекса и отсутствием четкой регламентации общих положений о явлении.

Если мы обратимся к Проекту Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Проект изменений ГК РФ), то увидим, что законодатель вносит лишь точечные

изменения в гл. 25, вновь не делая попытки создать концепцию общих положений об ответственности.

Институт любой юридической ответственности должен на уровне общих положений регулировать ряд вопросов.

Во-первых, должно быть сформулировано юридическое основание ответственности за нарушение договора.

Юридическим основанием ответственности является гражданское правонарушение, и его абстрактное понятие должно быть дано в самых начальных нормах института. Если мы обратимся к гл. 25 ГК РФ, регламентирующей ответственность за нарушение обязательства, то она открывается статьей, устанавливающей обязанность должника возместить убытки (ст. 393 ГК РФ), следующие за ней две статьи регулируют соотношение убытков и неустойки и соотношение убытков (ст. 394 ГК РФ) и процентов за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ).

Возникает впечатление, будто основанием ответственности за нарушение договорного обязательства является причинение убытков, хотя в общей массе договорных правонарушений, судя по правоприменительной практике, такой способ защиты кредитора, как возмещение убытков, встречается нечасто.

Давая общее понятие гражданскому правонарушению, следует учитывать, что это абстракция и в объективной действительности оно не существует. Нет гражданского правонарушения вообще, а есть нарушение сроков договора, несвоевременная оплата по договору, причинение вреда здоровью и проч. Невозможно не исполнить или ненадлежащим образом исполнить договорное обязательство вообще: речь должна идти, во-первых, только о конкретном договоре (купля-продажа, аренда, перевозка), во-вторых, о нарушении определенной договорной обязанности в рамках общего договорного обязательства (нарушение сроков, некачественность).

Именно поэтому наряду с понятием «основание ответственности» должно применяться понятие «условия ответственности (состав правонарушения)» — совокупность признаков, которые определяют конкретное деяние как конкретное правонарушение.

При этом в гл. 25 ГК РФ содержится ст. 401, озаглавленная «Основания ответственности за нарушение обязательства», в которой идет речь о вине должника: *«Лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности»*. Буквальное толкование данной нормы дает возможность сделать следующий вывод: в гражданском праве есть такое *основание* ответственности, как вина, а есть иные «безвиновные» основания ответственности (случаи ответственности без вины).

Однако подчеркнем, что основанием ответственности является не вина правонарушителя, а совершение правонарушения. Вина же является одним из условий ответственности, к другим условиям ответственности в цивилистике обоснованно относят противоправное поведение, негативные последствия правонарушения, причинно-следственную связь между ними. Однако четкого представления об этих условиях ответственности из гл. 25 ГК РФ мы не получим.

Более того, вина в ст. 401 ГК РФ определяется через непринятие мер к надлежащему исполнению обязательства, что в общетеоретическом учении о правонарушении является характеристикой не вины, а противоправного поведения в виде бездействия.

В договорном праве противоправным поведением является неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства.

Обязанности должника согласно ст. 307 ГК РФ могут быть двух типов — активные (сделать что-либо) либо пассивные (воздержаться от совершения чего-либо). В Проекте изменений в ГК РФ последние названы негативными обязательствами. Нарушая первые, должник совершает правонарушение в виде бездействия, нарушая вторые, — в виде действия. Причем подавляющее большинство договорных правонарушений совершаются в виде бездействия через невыполнение договорных активных обязанностей (не оплатил, не передал, не выполнил и проч.).

Противоправное действие — это волевое и активное поведение субъекта, заключающееся в совершении действий, которые он не должен был совершать в силу лежащих на нем обязанностей.

Противоправное бездействие — это волевое и пассивное поведение субъекта, оно заключается в несовершении действий, которые он мог и должен был совершить в силу лежащих на нем обязанностей.

Согласно п. 2 ст. 401 ГК РФ лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства.

Таким образом, непринятие мер для исполнения обязательства (исполнения обязанности) в гражданском праве называется виной, что представляется неверным, противоречащим общей теории права.

В гл. 25 ГК следует закрепить, что основанием ответственности за нарушение договорного обязательства является неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства (договорное правонарушение).

Данное нарушение должно быть противоправным, т.е. не соответствовать требованиям закона, иных правовых актов, договора, обычаев, иных обычно предъявляемых требований.

При этом следует установить презумпцию противоправности неисполнения или ненадлежащего исполнения договора. Это важно и для гражданского процесса: кредитор должен доказывать факт правонарушения (неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обязательства), а должник вправе обосновывать отсутствие противоправности своего поведения через доказательство того, что он не нарушил требования подлежащих применению закона, договора, обычая. Кроме того, должник, не исполнивший или ненадлежащим образом исполнивший активную обязанность (бездействовал), вправе доказывать, что в его поведении нет юридически значимого бездействия, т.е. что он не мог и не должен был в силу закона, договора, обычая предпринимать меры для исполнения обязательства.

Следует отметить, что и при формальном нарушении требований закона, договора, обычая, противоправность поведения субъекта правонарушения может в силу закона в ряде случаев исключаться. Эти случаи получили название обстоятельств, исключающих противоправность деяния.

Во-вторых, общие положения об ответственности за нарушение договорных обязательств должны содержать обстоятельства, исключающие противоправность поведения.

К сожалению, общетеоретическая категория обстоятельств, исключающих противоправность поведения, игнорируется как в цивилистической науке, так и в гражданско-правовых актах.

Это такие специфические условия, которые исключают оценку поведения как противоправного, несмотря на нарушение субъектом требований закона, договора, обычая, повлекшее неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства. Эти обстоятельства сами по себе отражают правомерность поведения лица, которые лишь внешне образуют противоправное деяние.

Согласно ст. 37–41 УК РФ к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, относятся необходимая оборона, крайняя необходимость, обоснованный риск, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, физическое или психическое принуждение, исполнение приказа или распоряжения. Уголовный закон считает такие действия правомерными.

Однако эти обстоятельства сами по себе не могут исключать противоправность договорного правонарушения, но могут свидетельствовать о наличии ситуации, в которой должник не мог фактически исполнить обязательство надлежащим образом, хотя и должен был в силу закона и договора это сделать.

Бесспорно, к таким обстоятельствам относятся непреодолимая сила, которая судебной практикой толкуется очень узко: стихийные бедствия, гражданские волнения, акты государственных органов. Однако и другие внешние обстоятельства могут оказывать влияние на волю должника.

Приведем пример. Заключен договор поставки товара, предусматривающий его доставку автотранспортом продавца покупателю. Перевозивший товар водитель, действуя в состоянии крайней необходимости (избегая наезда на пешеходов), вывернул руль, и автомобиль с товаром упал в кювет. Поскольку право собственности на товар не перешло к покупателю, товар будет продавцом заменен. Однако формально совершено договорное правонарушение — обязательство по поставке товара не исполнено в срок. С точки зрения современных подходов к непреодолимой силе, действия водителя в состоянии крайней необходимости оценить как обстоятельство непреодолимой силы нельзя. Но в данных

обстоятельствах продавец так же, как, например, при стихийном бедствии (которое бесспорно относится к обстоятельствам непреодолимой силы), не имел *фактической* возможности исполнить обязательство надлежащим образом, хотя и должен был в силу закона и договора это сделать.

Полагаем, что в договорном праве должны быть четко сформулированы обстоятельства, исключающие противоправность поведения должника, поскольку для привлечения к ответственности субъект должен иметь *фактическую возможность* не совершать гражданское правонарушение.

Противоправные действия и бездействие — это *волевые* акты и, следовательно, любые внешние непредотвратимые и неустранимые обстоятельства, влияющие на формирование воли лица, должны исключать противоправность его поведения.

В-третьих, в институте ответственности за нарушение договора необходимо дать понятие и перечислить меры ответственности.

Доктринальное противостояние между сторонниками широкого подхода к ответственности, включающего любые меры государственного принуждения (С.Н. Братусь, В.П. Мозолин), и сторонниками узкого понимания ответственности только как возложения дополнительных обременений либо лишения прав правонарушителя (О.А. Красавчиков, О.С. Иоффе, Е.А. Суханов) продолжается.

В то время как этот вопрос далеко не только академический. Основанием применения и мер ответственности, и иных мер защиты является состав правонарушения. Однако если для реализации ответственности необходимо наличие всех элементов состава (и объективных, и субъективных), то для применения иных мер защиты достаточно только факта противоправного деяния. Следовательно, в последнем случае не должны устанавливаться вред и причинно-следственная связь, а также не будет действовать презумпция вины.

Интересам гражданского оборота, правоприменительной практики и цивилистической логики в большей степени отвечает подход к мерам ответственности как к возложению на правонарушителя неэквивалентных обязанностей.

В связи с этим статьи об исполнении обязательств за счет должника (ст. 397 ГК РФ) и о понуждении должника к обязанности передать индивидуально-определенную вещь (ст. 398 ГК РФ) вообще не должны иметь отношение к институту ответственности и подлежат исключению из главы 25 ГК РФ.

Похвальны попытки законодателя в Проекте изменений ГК РФ дать соотношение мер ответственности и иных гражданско-правовых санкции, например убытков и требований о пресечении действий, нарушающих право (ст. 393), неустойки и процентов (ст. 395 ГК РФ). Однако эта законотворческая работа должна быть продолжена.

В целом, к мерам ответственности за нарушение договора следует отнести возмещение убытков, взыскание неустойки, компенсацию морального вреда, потерю задатка, уплату задатка в двойном размере.

В-четвертых, общие положения об ответственности сторон договора должны регулировать вопросы применения мер ответственности.

В частности, необходимо систематизировать обстоятельства, уменьшающие размер санкции:

1) вина обеих сторон договора (ст. 404 ГК РФ);

2) если кредитор умышленно или по неосторожности содействовал увеличению размера убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением, либо не принял разумных мер к их уменьшению (ст. 404 ГК РФ);

3) явная несоразмерность размера санкции (меры ответственности) последствиям нарушения договора.

Здесь следует отметить следующее. О вине кредитора говорить некорректно, так как вина может быть только у правонарушителя, а потерпевший (кредитор по договору) может своими действиями содействовать, но не только увеличению размера убытков, но и в целом неисполнению или ненадлежащему исполнению обязательства. Поэтому вышеуказанные п. 1 и 2 могут быть объединены в общее основание уменьшения размера ответственности — умышленное или неосторожное содействие со стороны кредитора неисполнению или ненадлежащему исполнению должником обязательства.

Явная несоразмерность санкции последствиям правонарушения предусмотрена в ст. 333 ГК РФ применительно к неустойке. В Проекте

изменений ГК РФ предлагается аналогичная норма применительно к процентам: «Если подлежащая уплате сумма процентов явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд по заявлению должника вправе уменьшить предусмотренные договором проценты, но не менее суммы, определенной исходя из ставки рефинансирования» (изменения в ст. 395 ГК РФ).

Нетрудно заметить, что эти основания освобождения от ответственности могли быть объединены в общее основание несоразмерности санкции последствиям нарушения, без дублирования его в двух статьях (333 и 395). При этом очевидно, что к размеру убытков такое основание уменьшения санкции объективно неприемлемо, поскольку последствиями нарушения при причинении убытков и есть размер убытков.

В-пятых, в общих положениях об ответственности следует предусмотреть нормы об основаниях освобождения от ответственности (прощение кредитором долга (примирение), истечение давностных сроков, малозначительность).

Если два первых основания содержатся в общих нормах (соответственно в институтах прекращения обязательств и исковой давности), то, подчеркнем, малозначительность правонарушения урегулирована только применительно к нарушению договора залога, причем при использовании не меры ответственности, а иной санкции — обращение взыскания на заложенное имущество.

Малозначительность должна быть признана универсальным основанием освобождения от штрафной гражданско-правовой ответственности, в том числе за нарушение договора.